АКАДЕМИЧЕСКАЯ ТРИБУНА

И.Н. Барциц

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ[1]

БАРЦИЦ Игорь Нязбеевич – доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе РАГС (e-mail: bartsits@ur.rags.ru)

Аннотация. *Рассматриваются актуальные проблемы становления информационного общества в России в контексте модернизации.*

Ключевые слова: *эффективность, государственное управление, модернизация, информационное общество, электронные технологии.*

Знаковым интеллектуальным событием для России, определяющим вектор политологических дискуссий, стал уже традиционный Ярославский форум. Ключевыми словами Ярославского форума в сентябре 2010 г., отраженными в самом его названии, были определены: государство, демократия, эффективность. Предполагается, что в 2011 г. в центре внимания Ярославского форума будет стоять вопрос об эффективном функционировании современных демократических государств в эпоху социального разнообразия. При незатейливой игре этими терминами формулируются главные вопросы современной российской политики: возможно ли эффективное управление при демократии; есть ли надежды на успех российской модернизации? Как оказалось, вопросы далеко не риторические.

Участники Ярославского форума убеждали самих себя и окружающих, что российская демократия взрослеет и утверждается, что эффективное

[1] Статья подготовлена на основе выступления автора на «круглом столе» «Эффективное управление при демократии», состоявшемся в рамках Международной научно-практической конференции «Россия и мир: в поисках инновационной стратегии» (Гайдаровский форум. Москва, 18 марта 2011 г.).

управление возможно только и исключительно при демократическом политическом режиме. Так, стараясь деликатно избегать выставления оценок по школьному курсу демократии целому ряду стран, Майкл Макфол (специальный помощник президента США по вопросам национальной безопасности) весьма убедительно заключил, что если авторитарные режимы в истории и достигали неких экономических успехов, то на более высоком уровне развития трудно найти доказательства, что авторитарный режим способен управлять экономическим ростом.

Идея модернизации получила свое развитие и в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 30 ноября 2010 г.: «Модернизация – это, конечно, не самоцель. Это лишь инструмент, с помощью которого мы сможем решить давно назревшие проблемы в экономике и в социальной сфере, поддержать тех, кто в этом более всего нуждается, и создать условия для раскрытия способностей тех, на кого мы очень надеемся, то есть наших детей, нашей молодежи. Ведь модернизация осуществляется, прежде всего, для них. Нам не должно быть стыдно за то, какую страну мы передадим нашим детям и внукам, но не менее важно, в каких руках будет находиться судьба России»[1].

Однако приходится признать, что «смычка» демократии и модернизации не является доминирующей установкой российского общественного сознания. Напротив, все чаще раздаются голоса, что эффективное управление в России, возрождение ее роли на мировой арене возможно лишь при тоталитарном, в лучшем случае при авторитарном режиме, что развитое гражданское общество не только не в российских традициях, но даже, едва ли, не препятствие поступательному развитию. Это очень опасное, но слишком хорошо известное мнение. Другое – не столь привычное – опасение заключается в том, что до Ярославского форума лозунги демократической модернизации искренне воспринимались как нечто подобное вопросу героини Фаины Раневской в фильме «Подкидыш» (1939): «Девочка, Наташенька, скажи, что ты больше хочешь: чтобы тебе оторвали голову или ехать на дачу?». Представляется, что на вопрос о неизбежности модернизации в России любой смышленый ребенок должен отвечать вполне однозначно. Отнюдь…

Два последовавших за форумом социологических исследования, пусть и с разной степенью презентативности, не вселяют оптимизма. Сначала удивляют итоги телефонного опроса в ходе выступления в передаче «Русской Службы Новостей», когда в поддержку модернизационных начинаний проголосовало чуть более четверти респондентов. Затем даже не сами социологические результаты, сколько масштаб праведного гнева, обрушившегося на Игоря Юргенса (председатель правления Института современ-

[1] Российская газета. – 2010. – 1 декабря.

ного развития), посягнувшего на святое: на элиту, отметив незаинтересованность ее большинства в инновациях, и на народ, к ним безразличный. Неужели эти два понятия лозунга «демократической модернизации» не вытекают один из другого?! Действительно, исторический опыт предлагает примеры эффективных авторитарных режимов (советская индустриализация, китайская модель социализма, пиночетовский режим). Однако все эти примеры демонстрируют эффективность на начальных этапах индустриализации, когда речь шла о принудительном переходе от аграрного производства к промышленному, когда железная рука была призвана вырвать человека из традиционного (сельского) уклада и нередко насильственно «вмонтировать» его в новую промышленную (городскую) среду. Реализовав свой замысел, авторитарные режимы утрачивали возможность дальнейшего развития и нуждались в иных, более демократических лозунгах. Сегодня у подобного перепутья находится Китай, исчерпавший модернизационный запал первого этапа.

Модель авторитарной модернизации не может быть результативной, когда речь идет об информационном обществе. Принудительная индустриализация возможна, принудительная модернизация информационного общества – исключена. Можно было заставить лучшие умы страны работать в сталинских «шарашках», но не хочется представлять вариант использования подобного инструмента модернизации советской промышленности и науки в современной России. Тем более что общепризнана неэффективность любого несвободного труда, будьто древние рабовладельческие государства, коммунистические субботники или привлечение российских экспертов к научным проектам TACIS.

Вспомнив про коммунистические субботники, трудно не воспользоваться еще одним советским опытом. 90 лет назад, в декабре 1920 г., в докладе на VIII Всероссийском съезде Советов В.И. Ленин, назвав план ГОЭЛРО второй программой партии, выдвинул формулу «Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». По аналогии, «Демократия – это есть Свободные выборы плюс интернетизация всей страны». В таком случае Государственная программа «Информационное общество 2011 – 2020 гг.», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 20 октября 2010 г., также вправе претендовать на соответствующий статус при правящей партии.

17 ноября 2010 г. на заседании Либерального клуба Единой России был представлен чрезвычайно интересный, хотя и в высокой степени дискуссионный, доклад Центра модернизационных решений «Как нам модернизировать демократию: вызовы и перспективы электронной демократии». Среди предложений Либерального клуба Единой России особо, на наш взгляд, выделялся тезис об организации интернет-голосования (и возможно, SMS-голосования) на выборах в Государственную Думу СФ РФ 2011 г.

Напомним, что символом демократических преобразований в конце 80-х были газеты и журнал «Огонек». Это была газетная демократия. С началом 90-х демократия стала телевизионной. Ее плавно, по мере повышения степени развлекательности (и соответственно снижения степени аналитичности) отечественного телевидения, сменила эра интернет-демократии, цифровой, электронной демократии. Очевидно, что общество к такому переходу оказалось неготовым. В подтверждение значимости изменений сравним общественные последствия одной и той же ситуации. Что бы сделал обиженный нерадивым сотрудником ГАИ на московской кольцевой автодороге гражданин страны лет 15 назад? – Скорее всего, произошедшее стало бы предметом обсуждения с членами семьи и вряд ли вышло бы за рамки вечернего семейного чаепития. Сегодня тот же гражданин, вооруженный мобильным телефоном с видеокамерой, выкладывает свою запись во Всемирную паутину и произошедшее становится частью общественной дискуссии не только и не столько о профессиональных качествах конкретного блюстителя безопасности дорожного движения, сколько о власти в целом, ее эффективности и позиции. Еще десятилетие назад «Жигули» с голубым «ведерком» на крыше вызвали бы улыбку и сомнение в здравомыслии автовладельца. Символический смысл этого же действа сегодня в пояснении не нуждается.

Электронная демократия не только предъявляет обществу совершенно особые требования, но и создает исключительные возможности, в том числе и весьма удобные для граждан. Речь идет об оказании гражданину публичных услуг. Разработка и принятие федерального закона, который призван установить общие принципы организации предоставления государственных и муниципальных услуг, были предусмотрены решением Правительственной комиссии по проведению административной реформы от 8 апреля 2009 г. в рамках реализации Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 гг. Таким законом выступил Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Не вдаваясь в детали правового просвещения, отмечу лишь, что до 1 января 2014 г. все граждане Российской Федерации должны стать обладателями универсальных электронных карт, предназначение которых видится в удостоверении прав пользователя на получение государственных и муниципальных услуг. Причем этот закон особо оговаривает возможность гражданином России, равно как и иностранцем, совершения юридически значимых действий в электронной форме. Значение небольшого куска пластика выходит далеко за пределы удобства и экономии времени, а с точки зрения последствий для системы государственного управления не ограничивается минимизацией общения граждан с госслужащими с последующей минимизацией коррупционных рисков.

Нет технологических оснований, чтобы не дополнить возможность получения государственных и муниципальных услуг рядом политических опций. Именно в этом либеральном тренде находится решение по упрощению временной и даже постоянной регистрации по месту жительства. Значение правового тезиса «Россия переходит на уведомительный порядок постановки на регистрационный учет по месту жительства или пребывания» вызывает душевный восторг.

Но вернемся к выборам. Одно из основных возражений сторонников консервативного понимания избирательной системы предстает в данном понимании нарушением одного из четырех основных принципов избирательного права, которое должно быть всеобщим, равным, прямым и тайным. Что делать в таком случае с таинством выбора гражданина?

На наш взгляд, подобные сетования надуманны. Ведь речь не идет о принудительной регистрации гражданина и его принуждении к голосованию посредством интернет-технологий. Полагаю, что большинство добропорядочных граждан готовы зарегистрироваться в Сети, многие так и поступили. Так, на сайте *gosuslugi.ru* прошли регистрацию более 170 тыс. пользователей по всей России, более 120 000 активировали свой Личный кабинет. Более 140 000 электронных заявок уже поданы через Единый портал. И этим гражданам совершенно нет необходимости скрываться под анонимными «никами» и «аватарами». Да и признаемся, в современном обществе все труднее, а порой и невозможно, контролировать информацию о себе. В России, как и в других развитых обществах, действуют законы о защите персональных данных, вместо фамилий, имен и отчеств нашими идентификаторами становятся наборы цифр, коды ИНН, электронные цифровые подписи. И мы сами представляем их работодателям при поступлении на работу, да по сути, разбрасываем их по первому требованию при получении самого смехотворного гонорара, дабы избежать неприятностей с налоговой службой. Мы живем не в Швейцарии, и обеспечение банковской тайны никогда не было предметом наших особых переживаний. Посредством кредитных карточек банк может не только выяснить, что мы дарим своим близким в новогодние праздники, но и что будет на наших столах за ужином.

Более того, предложение о возможности использования электронных технологий не означает отрицания консервативных традиционных методов. Речь не идет о дизъюнкции «или-или». Напротив, речь идет о свободе выбора для гражданина. Хочет и может ли он уехать в день выборов в другой конец города или даже в другой город для реализации своего избирательного права или готов воспользоваться электронной регистрацией для голосования, не особо озадачиваясь таинством сего действа и не стесняясь своего выбора. Среди элементов демократизации либерализация системы регистрации граждан упомянута не случайно. Наряду с повышением мобиль-

ности населения эта мера может привести к дальнейшему снижению избирательной активности, особенно среди активных слоев населения. Причем именно молодежь и средний класс, самые мобильные слои населения, оказываются вне пределов избирательных участков на региональных выборах, привлечь их к федеральным выборам удается все с большим и большим трудом, таким образом, под угрозой оказывается другой принцип – принцип всеобщности. В данной ситуации государство обязано рассмотреть возможности удовлетворения потребности этих слоев в участии в выборах с применением информационных технологий.

Согласно международным исследованиям эффективность государственного управления оценивают по следующим показателям: индекс человеческого развития (ИЧР); индекс глобальной конкурентоспособности; показатели, полученные в результате Всемирного обследования предприятий и в результате обследования предприятий в странах с переходной экономикой; индекс восприятия коррупции организации «*Transparency International*»; индекс экономической свободы организации «*Heritage Foundation*»; индекс непрозрачности, разработанный компанией «*PricewaterhouseCoopers*».

Показатели программы развития ООН по Российской Федерации свидетельствуют, что в 1980 г. и в 1985 г. СССР занимал 24-е место по индексу человеческого развития. Сразу после разрушения Союза ССР Россия по данному индексу продолжала входить в группу высокоразвитых стран. Последующее десятилетие характеризуется значительным снижением совокупного индекса человеческого развития в России. В ходе миграции и старения населения утрачиваются целые его группы – носители инновационного потенциала. С 1995 г. по 2005 г. Россия по индексу человеческого развития опустилась с 37-го на 62-е место среди 175 стран мира. В дальнейшем ситуация ухудшилась. С 2006 г. страна с переменным успехом пребывает не выше, чем на 65-й строчке.

По индексу конкурентоспособности в 2005 г. Россия заняла 75-е место из 117. Затем методика составления рейтинга была изменена. Количество учитываемых факторов увеличилось с 35 до 90: добавились оценки эффективности рынка труда, развитости инфраструктуры и бизнеса, здравоохранения и др. После пересчета рейтинга по новой методике Россия в 2005 г. заняла 53-е место. Помимо учитывавшихся и раньше высоких макроэкономических показателей (низкий уровень государственного долга, бюджетный профицит и др.) стали учитываться показатели, характеризующие весьма эффективный рынок труда: гибкость в найме и увольнении сотрудников, определении размеров зарплат, развитая железнодорожная система, повышение уровня использования новых технологий (мобильная телефонная связь, компьютеры, Интернет). В 2008 г. Россия заняла

51-ю позицию, опередив Индию, Италию, Иорданию, Барбадос, Словакию, однако в 2010 г. она снова оказалась на 63-м месте.

Нельзя не отметить, что и в мире и в России складывается неоднозначное отношение к проводимым международными организациями исследованиям. Показательна реакция на публикацию Института Всемирного банка за 2007 г., оценивавшую эффективность государственного правления в разных странах. Она привела к дипломатическому конфликту: после опубликования доклада представители девяти стран во Всемирном банке, в том числе от России, направили письмо главе банка Р. Зеллику с критикой исследования, считая его необъективным. Эту же позицию поддержали Министерство иностранных дел России и Министерство финансов КНР. В официальном сообщении российского МИДа отмечается, что объективность и политическая беспристрастность авторов исследования вызывает сомнение.

Подводя итоги десятилетия 1996 – 2006 гг., эксперты Всемирного банка утверждали, что качество государственного управления в России за этот период не изменилось. Россия в рейтинге соседствует с африканскими странами и такими неоднозначно воспринимаемыми международным сообществом политическими режимами, как Венесуэла и Иран. Эксперты Института Всемирного банка не сумели увидеть сколько-нибудь заметного прогресса в России ни по одному из показателей. Показатель России по параметру «учет мнения населения и подотчетности государственных органов» представлен ниже, чем у некоторых абсолютных монархий. Даже индекс политической стабильности в 2004–2006 гг. оказался значительно ниже, чем в странах, переживавших в эти годы острые политические кризисы.

Голоса России и Китая практически игнорировались. Но в условиях кризиса 2008 – 2009 г. свою лепту в критику международных рейтингов внесли и европейские страны. Объективность многих рейтингов действительно вызывает вопросы, а ведь рейтинги в значительной степени формируют восприятие страны международной аудиторией. Позиции государств в наиболее известных индексах и списках постоянно цитируются журналистами.

Претензии к данному исследованию Всемирного банка должны лежать в области методологии, а не политической ангажированности. Оценки Всемирного банка делаются на основе 33-х различных баз данных, а также с помощью опросов десятков тысяч респондентов в различных странах и тысяч экспертов из различных, в том числе и государственных, организаций. На экспертных оценках основаны и индекс восприятия коррупции *Transparency International*, и рейтинги *Freedom House*, и индекс конкурентоспособности WEF, в котором Россия в 2006 г. заняла 62-е место из 117. Индекс *Transparency International* озаглавлен корректнее других, поскольку его название включает слово «восприятие».

Что делать с этим неприятным для России «восприятием»? – Можно составить альтернативный индекс. Эксперты предлагают пять индексов: «государственность», «внешние и внутренние угрозы», «международное влияние», «качество жизни» и «основы демократии». Оценки по каждому направлению основываются только на статистических данных и их анализе. В результате по индексу государственности, отражающему способность к независимому существованию и самостоятельному развитию, Россия заняла 27-е место из 192 (с 7,5 балла из 10). По потенциpу международного влияния, который рассчитывался, в частности, исходя из доли экономики в мировом ВВП, наличия ядерного оружия, расходов на оборону, объема населения и количества Нобелевских премий, Россия заняла 7-е место в мире. Попытка создать более объективный рейтинг, в котором Россия если не лидирует, то хотя бы не плетется в хвосте, заслуживает внимания, – это лучший способ самоутверждения, чем простое отрицание справедливости чужих оценок.

Задача укрепления позиции российского экспертного сообщества важна не только и не столько для самоутверждения этого сообщества, его честолюбия, сколько для отстаивания российских интересов в ходе разработки глобальных (универсальных) стандартов демократии и качества осуществления государственного управления. Вопрос согласования проблем, связанных с реформами, с очевидностью приводит к проблематике правовой интеграции и формирования глобального правового пространства. Применительно к вопросам стандартов государственного управления речь идет о глобальном административном пространстве. «Глобальное управление и глобальное административное право в международном правовом порядке» – такое откровенное название получил доклад Нью-Йоркского университета и школы права Института международного права и юстиции и Мертонского колледжа Нью-Йоркско-Оксфордского университета. Неоднократно озвученный в Ярославле американскими экспертами переход от международного права (*International Law*) к всемирному праву (*World Law*) ставит под угрозу всю систему международных отношений.

Основное содержание этого научного исследования раскрывает со ссылкой на Н. Криша и Б. Кингсбири Ю.А. Тихомиров в своем исследовании «Управление на основе права»: «Зарождается глобальное административное пространство, в котором строгая дихотомия (разделение) между внутригосударственным и международным, в большей степени, разрушена, в котором административные функции осуществляются часто в сложном взаимодействии между должностными лицами и институтами»[1].

[1] *Тихомиров, Ю.А.* Суверенитет в условиях глобализации / Программа сотрудничества ЕС и России. Институциональный, правовой и экономический федерализм в Российской Федерации // Ежеквартальный бюллетень. – 2006.– № 7.– С. 18; *Он же.* Управление на основе права. – М.: Формула права, 2007. – С. 477 – 478.

Содержание этого подхода нуждается в детальном раскрытии, ведь обоснованием разрушения «строгой дихотомии» можно, с одной стороны, впечатляюще оправдать вполне открытое вмешательство в сферу внутригосударственного управления, а с другой – подвести теоретическую базу под кардинальное изменение самого содержания международного права. Глобальные административисты утверждают появление «норм-конгломератов», сложным образом объединяющих положения международного права и установления национального права, прежде всего, в сфере администрирования.

Разработка универсальных международных стандартов в сфере государственного управления возможна, а Россия обладает всем необходимым правовым инструментарием для имплементации этих стандартов как в правовую систему страны, так и в управленческую практику. Однако единственно допустимый и приемлемый для России механизм формирования глобального административного пространства – выработка универсальных международно-правовых положений в ходе международных конференций или в рамках деятельности международных специализированных организаций. Эти механизмы апробированы в деятельности таких международных организаций, как ЮНЕСКО, Всемирная организация здравоохранения, Международная организация труда, различные структуры ООН (Экономический и Социальный Совет ООН и др.). Присоединение России к Всемирной торговой организации (ВТО) также обусловлено принятием ряда дополнительных обязательств, в том числе по заключенному в рамках этой организации Генеральному соглашению по торговле услугами (ГАТС). Соглашение предполагает либерализацию и открытую конкуренцию поставщиков услуг в здравоохранении, образовании, юридической помощи населению, банковской деятельности и т. п.

Проблема универсализации подходов в сфере государственного управления обусловливает необходимость доказать правомерность позиции, суть которой состоит в том, что универсальные нормы могут вырабатываться только и исключительно в рамках процедур международного права, а не посредством представления позиций и взглядов, которые будут в прямом смысле продавливаться странами, обладающими, на их взгляд, большими основаниями объявить свои национальные модели демократии, политического режима и государственного устройства эталонными. В противном случае нам останется только продолжать радоваться проставленным в последнем докладе Всемирного банка «четверкам» по семибалльной шкале за «эффективность работы правительства» и «качество нормативно-правового регулирования». По всем остальным показателям (право голоса и подотчетность, политическая стабильность и отсутствие насилия, верховенство закона, контроль коррупции) России проставляют унизительные «шестерки».

Интерес представляет используемый Всемирным банком классификатор показателей, в который вошли: 1) макроэкономические показатели. Во всех странах имеется опыт составления отчетов, включающих прогнозы динамики ключевых макроэкономических показателей; 2) социальные показатели – группа показателей, которые отражают ключевые цели или ценности страны или общества. В настоящее время имеется опыт публикации отчетов о прогрессе в достижении социальных показателей федеральным правительством Канады и правительством Новой Зеландии; 3) показатели эффективности, разработанные в поддержку долгосрочной национальной стратегии или плана развития; 4) показатели эффективности управления политикой; 5) показатели качества услуг, с помощью которых оценивают качество государственных услуг или взаимодействия с обществом. Классификатор показателей основан на результатах опросов населения и пользователей государственных услуг. Он позволяет выявить степень осведомленности о возможности получения государственных услуг, качестве их предоставления, доступе к государственным услугам (включая такие данные, как сведения о неформальных платежах, взимаемых за предоставление услуг), своевременности предоставления услуг и прозрачности процесса предоставления услуг. Подобные опросы проводятся регулярно в ряде стран ОЭСР, и их результаты используются при оценке деятельности министерств и агентств.

Уже традиционным для России стал Доклад Минрегионразвития об оценке эффективности деятельности региональных органов исполнительной власти. Согласно докладу за 2009 г. «пустых расходов» по стране насчитывалось 415 млрд руб., 142 млрд руб. из которых приходилось на систему образования. Сомнительное лидерство системы образования в рейтинге неэффективности управления, как правило, объясняют излишками обслуживающего персонала на одного учителя (бухгалтеры, администраторы). По нормативам персонала должно быть почти вдвое меньше, чем учителей, по факту – почти столько же. Не соответствует нормативам численность учеников в классах, отмечается резкое увеличение доли выпускников, не получивших аттестат. Так, не получили среднего образования в 2010 г. почти 15 000 учеников – в 19 раз больше, чем в 2008 г.

Вероятно, существует некая мистическая причинно-следственная связь между отставкой главы региона К. Илюмжинова и приведенными в докладе цифрами неэффективности управления в Калмыкии, где доля неэффективных расходов в образовании достигала 40%, а высокая младенческая смертность сопровождалась ростом доли затраченных за год впустую денег (в 11 раз!) в сфере ЖКХ.

Приходится признать, что в практической деятельности аппарата управления до сих пор не сложился дееспособный механизм оценки эффективности управления, а в повседневной деятельности подразделений государ-

ственных органов преобладает неразбериха в понимании подходов и способов оценки результативности и эффективности их деятельности. В то же время в круг обязанностей государственного аппарата входит не только решение общих задач упорядочения, совершенствования и развития общества, но и выполнение функции оказания конкретных услуг физическим и юридическим лицам, необходимых для полноценной реализации их прав и обязанностей. Эффективность государственного управления – это не только хорошо работающие социальные институты. Это результат не изолированной от общества деятельности некоего сонма высоколобых чиновников, а совместный труд общества. В данном случае речь идет об общей социальной эффективности, которую не всегда можно измерить с помощью количественных показателей. В этом смысле можно говорить о таких показателях, как *повышение уровня производительности труда, темпов прироста национального богатства, благосостояния жизни людей, надежности и безопасности общественных отношений.*

Сложность оценки эффективности государственной власти можно проиллюстрировать двумя примерами. Самый болезненный из них – пример, касающийся деятельности органов внутренних дел. Хорошо известно, к чему привели ранее применявшиеся показатели эффективности деятельности МВД в целом и конкретного представителя этого вида правоохранительной службы. Про издержки «палочной системы» учета правонарушений по принципу: чем больше правонарушений зарегистрировано, тем лучше работает система, – не говорит сегодня только ленивый. А если органы милиции не нашли правонарушителя – значит, плохо искали со всеми вытекающими отсюда для них выводами. В последнее время в качестве критериев эффективности приводятся показатели неуклонного снижения количества преступлений. Стоило бы этому порадоваться, но ведь экспертам не угодишь: латентная преступность соседствует с сокрытием правонарушений при их регистрации.

Другой пример связан с предложениями по развитию отечественного здравоохранения. Нельзя не поддержать программы Минздравсоцразвития России по профилактике онкологических заболеваний, внедрению новых программ помощи при сердечно-сосудистых заболеваниях и оказанию оперативной помощи пострадавшим при дорожно-транспортных происшествиях. Но очевидно, в случае реализации этих программ может возникнуть резкий всплеск количества зарегистрированных онкозаболеваний, однако вряд ли это может служить свидетельством ухудшения работы врачей.

Недопустимо связывать эффективность деятельности конкретного государственного служащего с теми глобальными показателями, которые характеризуют состояние дел в отрасли приложения профессиональных знаний специалиста, но непосредственно от него не зависящими. Так, вряд ли можно найти конкретного государственного служащего, которому можно

приказать снизить такой значимый показатель, как детская смертность, свидетельствующий, если угодно, о цивилизованности страны.

Весьма опасны и потуги соотнести эффективность труда государственного служащего с количеством выполненных поручений начальника, обработанной корреспонденции или количества дел, снятых с контроля. Хотя именно этот аспект представляется наиболее наглядным и легко поддающимся учету. С одной стороны, арифметический подход может сыграть злую шутку, ведь дела и поручения могут быть разной степени сложности и важности, социальной значимости. С другой стороны, арифметика бывает весьма наглядной. Ведь даже Президент страны бывает вынужден публично сетовать на нерадивое исполнение его (главы государства!) поручений.

Арифметика в форме статистики и взвешенные экспертные оценки позволяют оценить реальное состояние российской демократии и российского общества. Использование международных стандартов эффективности управления, выработанных с учетом мнения России и с участием ее представителей, – одно из средств улучшения этого восприятия. Хотя мы понимаем, что экспертов с бело-сине-красным триколором за пазухой не ждут с распростертыми объятиями в международных аналитических центрах.

© И.Н. Барциц, 2011

Д.Т. Жовтун

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ XXI ВЕКА

ЖОВТУН Дмитрий Тимофеевич – доктор философских наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Социология власти» (e-mail: zhovt@ur.rags.ru)

Аннотация. *В статье дается философский анализ экзистенциально-коммуникативного опыта, накопленного в практике образования к началу XXI века.*

Ключевые слова*: образование, философия, культура, кризис, информационные технологии.*

Кризис образования, превратившийся в мировое явление, неудачи в осуществлении принимаемых стратегий его реформирования выдвигают на первый план именно философское осмысление создавшейся ситуа-